

отведена качественным ее показателям. Здесь речь идет об изменении структуры городского населения и эволюции уровня его жизни.

Ключевые слова: Саяно-Алтайский регион, Алтай, Тува, Хакасия, урбанизация, модернизация

Для цитирования: Тиникова Е. Е. Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 2. С. 275–290. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-275-290

Urbanization in the Sayan-Altai Republics: A Perspective from Modernization Theory

*Elena E. Tinikova*¹

¹ Khakass Research Institute of Language, Literature and History (23, Shetinkin St., Abakan 655017, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-5501-8940. E-mail: lena.tinikova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tinikova E. E., 2021

Abstract. *Introduction.* In the national republics of the Sayan-Altai Region — Altai, Tuva and Khakassia — urbanization has been essentially delayed and is, hence, accelerated. The first urban settlements appeared here only in the 20th century, and many of them were referred to as urban *de jure* only. Despite the growth of publications studying various aspects of the urbanization in Siberia, there are almost no research works dealing with the development of this historical, cultural, complicated social process and compiled from materials of this region proper. The paper provides a first attempt to assess the features and patterns of urbanization in the Sayan-Altai Region through the prism of modernization theory. *Goals.* The article aims to analyze urbanization as the most important aspect of modernization through materials collected across Altai, Tuva and Khakassia in the 20th – early 21st centuries. *Materials and Methods.* The article primarily investigates official statistical data that make it possible to trace the actual urbanization dynamics (for both populations and territories), as well as the process of transformation experienced by material components of city life. Empirically, the study rests on materials of surveys conducted in the Republic of Khakassia (2018) and in the Republics of Tuva and Altai (2019). The total number of interviewees is 2000. The study employs deterministic sampling methods. *Results.* The work concludes the urbanization development pattern examined in the region is non-linear, which was determined by the difficult and indirect modernization processes nationwide and those in its certain parts in particular. In the history of the ethnic federal subjects of the Sayan-Altai Region, local features of urbanization are more evident than those in other regions of the country, which is largely due to the influence of the ethnic factor, specifics of indigenous cultures and worldviews. Urbanization as a process is studied on the regional materials in two main perspectives: on the one hand, the paper provides analysis of quantitative indicators of urbanization, such as the dynamics of urban population and growth of urban settlements; on the other hand, an important role in the study of urbanization is assigned to its qualitative indicators, the latter including the transformed structure of urban population and evolution of its living standards.

Keywords: Sayan-Altai Region, Altai, Tyva, Khakassia, urbanization, modernization

For citation: Tinikova E. E. Urbanization in the Sayan-Altai Republics: A Perspective from Modernization Theory. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 275–290. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-275-290

Введение

В современной научной литературе понятие «урбанизация» употребляется в трех основных значениях. В первом случае урбанизация исследуется как процесс переселения сельских жителей в города, который приводит к концентрации экономической активности в этих поселениях [Опыт 2000: 15]. Во втором случае — как процесс роста численности городских поселений, который сопровождается концентрацией в них населения [Алаев 1977: 205].

Комплексный подход к изучению урбанизации предполагает рассмотрение ее как исторического процесса, связанного с ростом роли городов в жизни общества, что выражается в трансформации системы расселения населения, структуры городского населения и распространении городского образа жизни [Лаппо 1997].

В таком контексте урбанизация является частью процесса модернизации — перехода общества традиционного к современному (на первой стадии индустриальному, на второй — информационному). Так как рост промышленного производства неизбежно влечет за собой рост количества городов как мест сосредоточения промышленности, следовательно, и городского населения, что неизбежно приводит к формированию особого городского образа жизни и городской культуры. В этом случае существующие подходы исторической периодизации урбанизации вполне встраиваются в выстроенную модель. Так, стадийный подход урбанизации Дж. Джиббса по сути раскрывает нам пять этапов развития сельско-городской миграции, в ходе которых меняются не только объемы миграционных потоков, но и их структура и векторы, а также мотивы переезда сельчан в городские поселения [Gibbs 1963].

Советская модернизация охватывает 2–4 выделенные Дж. Джиббсом стадии урбанизации. Вступила ли современная Россия в пятую стадию урбанизации, свойственную постиндустриальным странам, — вопрос открытый.

Современные российские ученые, строящие свои исследования на базе макротео-

рии модернизации, признают, что урбанизация является одной из главных составляющих данного процесса. Б. Н. Миронов пишет о том, что урбанизация как один из аспектов советской модернизации наряду с формированием рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализацией, демократизацией семьи и эмансипацией женщин и детей напминала классическую западную модель [Миронов 2018: 54].

Вместе с тем безусловно она имела свои особенности: большинство горожан лишь по месту жительства являлись таковыми, так как по происхождению были крестьянами, многие города «лишь с натяжкой» стали центрами городской культуры, невысокий уровень жизни был характерен для большинства городских поселений, существовал дефицит городов, которые были бы локомотивами отраслевого и регионального развития [Миронов 2012: 275].

Еще большую роль урбанизации отводит в своих исследованиях А. С. Сенявский, считающий урбанизацию «человеческой стороной» модернизации и главным, что произошло в России в XX в. [Сенявский 2003: 3]. Советская модернизация, согласно его периодизации, сопровождалась периодом высшей стадии урбанизации — урбанизационным переходом, когда все общество, в том числе и деревня, преобразовывалось на городских началах.

Л. Н. Мазур, занимаясь исследованием роли урбанизации сельской местности страны, подчеркивает, что урбанизация является пространственным отражением модернизации общества и даже определяет ее темпы и особенности [Мазур 2009: 217]. Ученый полагает, что урбанизация большинства сельских районов России является по своему характеру незавершенной.

О незавершенности российской модернизации, ее догоняющем характере пишет и А. Г. Вишневский. Он отмечает, что двумя основными векторами развития общества, совершающего переход от сельского строя к городскому, являются модернизация и контрмодернизация. В годы советской власти страна шла по пути модернизации (хотя

отдельные стороны жизни выпадали из этого процесса), причем одним из основных ее результатов, ее «триумфом» стало формирование городского сообщества, получившего доступ к образованию, здравоохранению, достижениям культуры и удобствам городской жизни [Вишневский 2004: 20]. Для постсоветской России, по мнению авторитетного ученого, дальнейшее движение по пути модернизации стало сложно осуществимым, в том числе из-за контрмодернистских настроений общества.

В этих обстоятельствах, когда процесс модернизации в современной России либо затормозился, либо страна движется по иной, не модернистской траектории развития, процесс урбанизации также утратил свой естественный линейный характер развития. Специалисты характеризуют общую картину урбанизационного развития страны на рубеже тысячелетий как «урбанизационный застой с элементами дезурбанизации» [Сенявский 2019: 143].

В настоящий момент исследователи за редким исключением обходят стороной проблемы, связанные с историей постсоветской российской урбанизации. Понятно, что это продиктовано хронологической близостью с объектом изучения, а также тем, что при подобном анализе сложно выйти на обобщение и конструирование неких моделей. Однако необходимость в такого рода исследованиях уже назрела.

В национальных республиках Саяно-Алтая урбанизация региона в целом или ее конкретные аспекты до сих пор практически не исследованы. Хотя отдельные сюжеты развития городов трех субъектов хорошо изучены [Анкудинова 2007; Доржу 2015; Кискидосова 2012; Тиникова 2018; Ширав 2019].

Целью данной публикации является анализ урбанизации как важнейшего аспекта модернизации на материалах Алтая, Тувы и Хакасии в XX – начале XXI в. Основными источниками для исследования стали материалы официальной статистики, которые позволяют проследить динамику показателей урбанизированности населения и территории, а также отражают процесс изменения материальной составляющей жизни города. Эмпирическую базу нашего исследования также составили материалы опроса, проведенного в 2018 г. в Республике Хакасия

и в 2019 г. — в республиках Тува и Алтай. Общая выборочная совокупность составила 2 000 человек.

История наименований национальных республик Саяно-Алтайского региона

Урбанизация национальных районов Саяно-Алтайского региона началась сравнительно поздно: лишь в начале XX в. здесь появились первые городские поселения. Протекала она в рамках мировых модернизационных процессов, но вместе с тем имела свою специфику, связанную с геополитическим положением и историческим развитием региона.

Хакасия и Алтай стали частью Российской империи в XVIII в., но лишь после установления советской власти хакасы и алтайцы — коренные тюркоязычные народы данного региона — обрели собственные национально-территориальные образования. В 1922 г. была учреждена Ойротская автономная область, которая в 1925 г. стала частью Сибирского, в 1930 г. — Западно-Сибирского, в 1937 г. — Алтайского краев. В 1948 г. она вошла в состав Алтайского края под именем Горно-Алтайской автономной области, с 1991 г. получила статус республики [Историческая... 2009: 46–54].

Хакасии был предоставлен статус уезда в 1923 г., затем — статус округа в 1925 г., в 1930 г. — статус Хакасской автономной области как части Западно-Сибирского края, с 1934 г. — область стала частью Красноярского края. В 1991 г. автономная область была преобразована в республику и получила наименование Хакасская ССР, с 1992 г. стала называться Республикой Хакасия [Историческая... 2009: 46–54].

В 1944 г. Тувинская Народная Республика была принята в состав России как Тувинская автономная область, которая в 1961 г. была преобразована в Тувинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В 1991 г. Верховный Совет республики переименовал ее в Республику Тува. Чуть позже, в 1993 г. республика получила новое название — Республика Тыва [Историческая... 2009: 46–54].

Природно-географический фактор, а также индустриализация сыграли важнейшую роль в урбанизации Саяно-Алтая, что проявилось в первую очередь в эволюции системы городского расселения.

Количественные параметры урбанизации региона

В течение XX – начала XXI в. траектория градообразования в Саяно-Алтайском регионе имела скачкообразный характер. Так, со второй половины 1940-х по 1960-е гг. линейный процесс градообразования сменился флуктуациями, связанными с появлением 3 новых городов и 11 поселков городского типа. Обусловлено это было

центральной политикой государства, взявшего курс на комплексное хозяйственное освоение Сибири. При этом значительное внимание в Москве уделялось проблемам развития нового субъекта в составе страны — Тувинской автономной области. Там прекрасно осознавали значительную роль градообразования как средства закрепления территории и ее хозяйственного освоения [Лаппо 2001: 66].

Таблица 1. Группировка городских поселений национальных республик Саяно-Алтайского региона по численности постоянного населения в 1945–2017 гг.

[Table 1. Urban settlements of the Sayan-Altai national republics by numbers of resident population, 1945–2017]¹

	Число городских поселений							
	1945	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Все городские поселения	15	28	29	32	33	25	20	18
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	9	13	13	11	12	9	5	6
5–10 тыс.	2	6	7	10	8	6	5	2
10–20 тыс.	—	5	5	6	8	5	5	5
20–50 тыс.	4	2	1	2	1	—	1	1
50–100 тыс.	—	2	3	2	3	3	2	2
100–250 тыс.	—	—	—	1	1	2	2	2
Городов всего	7	10	10	11	11	11	11	11
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	3	3	2	—	—	—	—	1
5–10 тыс.	—	1	2	3	1	2	2	1
10–20 тыс.	—	2	2	3	5	4	4	4
20–50 тыс.	4	2	1	2	1	—	1	1
50–100 тыс.	—	2	3	2	3	3	2	2
100–250 тыс.	—	—	—	1	1	2	2	2
Поселков городского типа всего	8	18	19	21	22	14	9	7
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	6	10	11	11	12	9	5	5
5–10 тыс.	2	5	5	7	7	4	3	1
10–20 тыс.	—	3	3	3	3	1	1	1
20–50 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—
50–100 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—
100–250 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—

Одной из приоритетных задач семилетнего плана развития народного хозяйства страны (1959–1965 гг.) были вопросы развития восточной части РСФСР. Освоение природных богатств Сибири — такова была одна из стратегических целей государства в тот период. Бурное промышленное стро-

ительство затронуло и национальные регионы Южной Сибири [История 2016: 220; Социально-экономическое 2014: 85; Очерки 1973: 462], что сразу отразилось и на системе городского расселения. Для Хакасии в большей степени судьбоносным для развития индустрии стало решение КПСС о формировании на территории юга Красноярского края Саянского территориально-промышленного комплекса,

¹ Рассчитано и составлено по: [База данных 2020].

объекты которого возводились в 1970–1980-е гг. В результате промышленный бум в Саяно-Алтайском регионе еще больше подстегнул процесс градообразования. Причем он проявился не только в количественном росте городских поселений, но и в изменении людности городов (в регионе появились средние и большие города), их функциональной направленности (все больше городских поселений становились монофункциональными и узкоспециализированными). Как итог в 1989 г. городская система региона была представлена 33 городскими поселениями, 11 из которых были городами, остальные — поселениями городского типа.

Распад Советского Союза, свертывание промышленного производства, переориентация экономики страны и региона на новые модели развития повлияло и на сеть городских поселений. Для Саяно-Алтая, как в прочем и в целом для России, в 1990–2000-е гг. были характерны тренды смены статусов городских поселений на сельский и разновекторная динамика численности городского населения. В трех изучаемых субъектах в межпереписной период 1989–2002 гг. численность горожан уменьшилась на 9,6 тыс. чел., затем в 2002–2010 гг. — еще на 19,2 тыс. чел., а в 2010–2020 гг., напротив, увеличилось на 35,5 тыс. чел. (таблица 2).

Таблица 2. Динамика численности городского населения национальных республик Саяно-Алтайского региона в 1945–2020 гг. (в тыс. чел.)

[Table 2. Urban population dynamics in the Sayan-Altai national republics, 1945–2020 (thousands of residents)]²

Годы	Хакасия	Тува	Алтай	В целом по региону
1945	116,0	6,4	29,8	152,2
1959	220,1	50,2	29,8	300,1
1970	264,4	87,0	39,7	391,1
1979	339,7	113,3	47,9	500,9
1989	410,1	145,6	51,6	607,3
2002	386,9	157,3	53,5	597,7
2010	358,2	163,4	56,9	578,5
2020	373,1	177,8	63,1	614,0

О степени урбанизированности региона можно судить также по структуре расселения городских жителей (таблица 3). Количество людей, проживающих в «настоящих городах» (свыше 100 тыс. чел.) региона, постоянно растет. Если в 1989 г. к этой категории относился только город Абакан, в котором

проживало 25,4 % всех горожан региона, то сейчас — два города, Кызыл и Абакан, в которых проживает 50,5 % городского населения национальных республик Саяно-Алтайского региона, то есть сегодня «настоящим горожанином» может назвать себя каждый второй городской житель региона.

Таблица 3. Удельный вес городского населения в городских поселениях разного уровня в 1945–2017 гг.

[Table 3. Shares of urban population in urban settlements of different levels, 1945–2017]³

	Доля городского населения, %							
	1945	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Все городские поселения	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе								
до 5 тыс.	28,4	15,1	12,3	7,1	6,5	3,9	3,0	3,6
5–10 тыс.	12,4	12,1	11,5	12,1	7,8	8,5	5,7	2,9

² Рассчитано и составлено по: [База данных 2020].

³ Рассчитано и составлено по: [База данных 2020].

10–20 тыс.	—	18,8	16,2	15,3	17,6	12,0	12,8	11,4
20–50 тыс.	59,2	19,8	8,8	12,4	7,6	—	8,6	8,1
50–100 тыс.	—	34,2	51,2	27,5	35,1	30,0	22,3	23,5
100–250 тыс.	—	—	—	25,6	25,4	45,6	47,6	50,5
Города	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	85,9	5,3	3,1	—	—	—	—	0,9
5–10 тыс.	—	2,6	6,0	5,0	1,2	3,0	2,7	1,6
10–20 тыс.	—	10,9	9,0	10,6	14,1	10,7	10,3	9,5
20–50 тыс.	14,1	29,7	12,0	16,0	9,5	—	9,6	8,7
50–100 тыс.	—	51,5	69,9	35,4	43,7	34,2	24,7	25,1
100–250 тыс.	—	—	—	33,0	31,5	52,1	52,7	54,2
Поселки городского типа	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	60,5	34,6	36,5	31,9	32,6	41,2	41,4	40,9
5–10 тыс.	39,5	31,0	26,5	36,7	35,1	38,9	32,9	20,3
10–20 тыс.	—	34,4	37,0	31,4	32,3	19,9	25,7	38,8
20–50 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—
50–100 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—
100–250 тыс.	—	—	—	—	—	—	—	—

До конца 1960-х гг. советская модель урбанизации развивалась по мобилизационному варианту, государство в условиях неблагоприятной внешней конъюнктуры и нестабильной внутренней ситуации, тем не менее, осваивала восточные территории страны планомерно и последовательно. Однако ускоренные темпы урбанизации, формирование городского населения в первую очередь за счет сельчан, приоритет экономики города над социокультурным его развитием — все это приводило к экстенсивному характеру развития городских поселений Саяно-Алтая.

Центральные государственные органы власти, понимая необходимость закрепления трудовых ресурсов в новых городских поселениях, проводили соответствующую социальную политику, направленную на закрепление и адаптацию новоселов здесь. Был выработан комплекс мер по адаптации населения к городским условиям, в основе которого лежала идея о необходимости создания социокультурной среды урбанистического характера [Букин и др. 2008: 199]. С этой целью в городах региона стали возводить новые благоустроенные дома, объекты культурного, спортивного, образовательного и бытового назначения.

В 1970–1980-е гг. советская модель урбанизации стала консервативной по характеру, тормозила развитие страны, что неизбежно привело к росту социальной напряженности. Ускоренные темпы урбанизации, разрыв между городом и деревней в социокультурном и бытовом плане, увеличение численности городских социокультурно «промежуточных» слоев способствовали социальному расколу в обществе, в котором в позднесоветское время элита превратилась в «квазисословие» с «подверженностью влияниям западных ценностей» [Сенявский 2018: 46]. Вместе с тем, несмотря на последовавший за этим распад Советского Союза, советская модернизация в целом была успешной, хотя и не решила многие задачи, стоявшие в тот период перед страной [Миронов 2017: 21].

Структура городского населения

Модернизация страны и урбанизация оказали влияние и на состав и структуру городского населения Саяно-Алтайского региона. В изучаемые годы четко проявились следующие основные тренды в данной сфере. Во-первых, коренные народы региона (хакасы, тувинцы, алтайцы) на протяжении всего изучаемого периода оставались отно-

сительно слабоурбанизированными (доля горожан у этих этносов даже сегодня не достигла 50-процентного рубежа). Во-вторых, лидером среди указанных народов по темпам урбанизации являются тувинцы (если в 1959 г. только около 8 % тувинцев являлись горожанами, то сегодня почти каждый второй из них проживает в городе). В-третьих, цифры свидетельствуют о том, что не всегда рост уровня урбанизации отдельного народа влияет на увеличение его доли в составе городского населения. Так, например, произошло с хакасами. «Несмотря на то, что сегодня каждый третий хакас проживает в городе, их доля среди горожан республики весьма скромная. Связано это с небольшой численностью хакасов» [Тиникова 2019: 413].

К середине XX в. социальный состав городского населения в стране и регионе стал значительно более гомогенным, чем в предыдущий период. Связано это было с политикой советского государства, строившего однородное социалистическое общество, базовыми элементами которого были рабочие, колхозники и прослойка интеллигенции (служащие — те, кто занят профессиональным выполнением квалифицированного умственного труда) как представители экономически активного населения. В связи с этим и вся официальная статистическая отчетность, в том числе и всесоюзные переписи населения, строились на основе данной классификации общественных групп. Следует отметить, что в них неработающее население было сгруппировано на следующие категории: пенсионеры, домохозяйки, учащиеся, иждивенцы.

При работе с указанной группой источников у исследователей могут возникнуть затруднения, связанные с анализом структуры населения городских поселений. Дело в том, что внутри класса рабочих не предполагалось введение никаких дополнительных градаций. К рабочим официальная статистика относилась как людей, которые были непосредственно связаны с промышленным производством в городах и рабочих поселках, так и людей, которые работали в совхозах, то есть тех, чей труд был связан с аграрной отраслью экономики. В результате происходили парадоксальные ситуации. Например, в 1971 г. все колхозы Хакасии были преобразованы в совхозы, это привело к трансформации социальной структуры

субъекта: в 1970 г. рабочие-специалисты и служащие составляли 98,2 % всего населения, а уже через год, в 1971 г., — 100 % [Социальный паспорт 1980: 31].

Политика промышленного освоения региона путем реконструкции старых и строительства новых предприятий способствовала притоку квалифицированных кадров со всей страны. Помимо значительных преобразований в индустриальной сфере росту количества специалистов и служащих способствовали увеличение числа и концентрации государственных предприятий, постоянное увеличение значимости непроизводственной сферы экономики, в частности образования и науки, здравоохранения, сферы услуг. На протяжении 1950–1970-х гг. высокий темп их роста оставался неизменным. Так, доля служащих среди занятого населения Хакасии за этот период увеличилась с 18,9 % до 26,1 %, Алтай — с 19,1 % до 26,5 %, Тувы — с 18,0 % до 27,2 % [Итоги 1973: 36–39; Итоги 1990: 48].

Большая часть работающего населения национальных районов Саяно-Алтайского региона была трудоустроена в отраслях материального производства. К 1989 г. в Хакасии сложилась следующая структура занятости городского населения. В отраслях материального производства было сосредоточено 76 % занятого населения, причем из них почти половина (49 %) было занято в промышленности, 18 % — в строительстве, 16 % — в транспорте и связи, 11 % — в торговле и общественном питании, а также в материально-техническом снабжении и сбыте, 4 % — в сельском и лесном хозяйстве, 2 % занималось информационно-вычислительным обслуживанием [Сборник 1991: 29]. В непроизводственных сферах экономики традиционно преобладали женщины (70 % от всего занятого в непроизводственных отраслях населения городов), в отраслях материального производства — мужчины.

В Туве в целом сложилась похожая ситуация. Из 135,9 тыс. человек занятого населения в 1990 г. 62 % работали в отраслях материального производства: 12 % — в промышленности, 21 % — в сельском и лесном хозяйстве, 7 % — в транспорте и связи, 14 % — в строительстве, 8 % — в торговле и общественном питании, материально-техническом снабжении, сбыте и заготовках [Юбилейный 2014: 57].

В целом за годы советской власти вся социальная структура городского населения претерпела глубокую трансформацию. С одной стороны, это было обусловлено целенаправленной политикой партии, обращенной на создание социально однородного общества. С другой — явилось результатом модернизации, по итогам которой возросла доля населения, занятого квалифицированным физическим и умственным трудом.

Классификация социальной структуры городского общества, построенная на основе выделения различных групп горожан на основе их профессиональной занятости, не является единственной. Популярна в Сибири в связи с большой ролью миграции в формировании городского населения классификация, предложенная новосибирскими учеными [Благосостояние 1990: 237–238]). Ее авторы предлагают выделять следующие группы городских жителей:

1) категорию «чистых» горожан, то есть тех, кто всю или по крайней мере $\frac{3}{4}$ своей жизни прожил в городе. По усредненным данным количество таких жителей составляло в конце 1980-х гг. около 40 % горожан, если зачислить в эту категорию также людей, проживающих в поселках, которые относительно недавно получили статус городских поселений;

2) «преимущественно» горожане — лица, которые провели в городе от половины до $\frac{3}{4}$ жизни;

3) преимущественно селяне или полусельские жители. Эта часть городского населения провела в городе более $\frac{1}{4}$ и менее половины прожитой жизни. В 1970-е гг. большая часть горожан региона состояла из данной категории населения;

4) городские селяне, то есть лица, проводившие в селе всю или более $\frac{3}{4}$ своей жизни. Доля данной категории горожан в 1980-е гг. начала снижаться.

В постсоветский период модернизация страны продолжала развиваться, но обрела ярко выраженный прозападный характер. Ориентиром для современного российского общества стала западная общественная модель развития, основанная на ценностях городской потребительской культуры.

Сегодня в результате радикальной трансформации всех сфер жизни общества, согласно последней Всероссийской переписи 2010 г., к категории «чистых горожан»

можно отнести 78,2 % городского населения Хакасии, так как 268,4 тыс. человек указали в качестве места своего постоянного жительства городское поселение, в котором они родились или прожили большую часть своей жизни. К категории городских селян при этом можно отнести около 15,3 % городского населения, указавшего факт своего переезда в недавнем прошлом. При этом последняя цифра является приблизительной, так как, к сожалению, в опубликованных итогах переписи нет возможности проследить место, откуда прибыл мигрант, то есть вполне возможно, что это было не сельское, а другое городское поселение.

На развитие социальной структуры горожан Тувы в начале XXI в. большое влияние оказывала сохраняющая свои высокие темпы сельско-городская миграция. Поэтому здесь к категории городских сельчан можно причислить (с названными выше допущениями) каждого четвертого горожанина, так как 26,3 % городского населения республики изменило место своего жительства в 2003–2010 гг. 64,9 % городского населения могут быть классифицированы как «чистые горожане». Похожая ситуация сложилась на Алтае. Здесь к категории «чистых горожан» относятся 66,9 % городского населения, к категории городских сельчан — 24,5 % [Итоги 2013: 316, 325, 330].

Уровень жизни городского населения

Резкое снижение уровня жизни населения, стремительное расслоение общества по уровню доходов — основные результаты экономического кризиса в России 1990-х гг. В эти годы уровень благосостояния населения страны и, в частности, национальных республик Саяно-Алтая не отличался стабильностью (таблица 4).

В 1994 г. среди трех республик среднедушевые денежные доходы населения были выше на Алтае — 204,0 тыс. руб., что составляло около 99 % от общероссийского показателя. Однако в 1998 г. среднедушевые доходы населения Алтая стали ниже, чем в Хакасии, и Республика Алтай стала занимать по данному показателю 63-е место в рейтинге регионов России, в то время как Республика Хакасия — 48-е. Связано это, прежде всего, с эффективностью политики региональных властей по сдерживанию последствий экономического кризиса

в регионе. Тува по данному показателю находилась в аутсайдерах, здесь среднедушевые денежные доходы населения в 1998 г.

были в два раза меньше, чем в среднем по стране, или в 1,3 раза меньше, чем в соседней Хакасии.

Таблица 4. Среднедушевые денежные доходы населения России и национальных республик Саяно-Алтайского региона в 1994–1998 гг. (в месяц; тысяч рублей; 1998 г. — руб.)

[Table 4. Average per capita monetary incomes: Russia and the Sayan-Altai national republics, 1994–1998 (per month; thousand rubles; 1998 — RUB)]⁴

Регион	1994	1995	1996	1997	1998	Место, занимаемое в РФ
Россия	206,3	515,4	760,0	930,0	969,9	
г. Москва	691,1	1803,9	2845,9	3516,3	4017,1	1
Алтай	204,0	316,2	474,3	608,2	565,0	63
Тыва	129,3	314,3	449,8	590,4	491,0	77
Хакасия	183,1	465,0	736,8	757,6	655,3	48

Вместе с тем реальные денежные доходы населения при росте номинальной заработной платы падали. За 1994–1998 гг. реальные денежные доходы населения России сократились на 28,6 %, на Алтае — на 27,7 %, в Тыве — на 39,2 %, в Хакасии — на 29,8 % [Российский... 1999: 143–144]. В результате происходило ухудшение соотношения заработной платы и прожиточного минимума.

В период после 2000 г. уровень жизни в России повысился, что в первую очередь отразилось на росте заработной платы населения страны, причем как номинальной, так и реальной [Охлопкова 2008: 76]. Однако между отдельными регионами продолжает наблюдаться существенный разрыв по степени материальной обеспеченности населения. По подсчетам рейтингового агентства «РИА Рейтинг» республики Алтай и Тува замыкали рейтинг сибирских регионов по качеству жизни населения, занимая в общероссийском рейтинге 82 и 85-ю позиции соответственно.

В 2017 г. среди регионов Сибири наибольший рост позиций в указанном рейтинге произошел в Республике Хакасия. Это было связано с изменением целого комплекса показателей развития республики: «снижение уровня безработицы, рост объема вкладов физических лиц в банках, сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного

минимума, снижение смертности населения от внешних причин и младенческой смертности, повышение обеспеченности детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных учреждениях, рост доли государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, соответствующих современным требованиям, рост обеспеченности населения жильем, рост доли прибыльных предприятий» [Дугаржапова 2018: 28].

Увеличение среднедушевых денежных доходов сопровождалось незначительным снижением коэффициента дифференциации (таблица 5), что свидетельствует о несущественном изменении степени социального расслоения жителей национальных республик Саяно-Алтайского региона. В 2015 г. на долю наименее обеспеченной его части приходилось всего 6,1 % денежных доходов населения, а на долю самой обеспеченной части жителей — более 40 %. В целом в регионе коэффициент дифференциации доходов не превышает среднероссийский уровень.

Уровень отклонения фактического распределения денежных доходов населения в национальных республиках Саяно-Алтая относительно ниже, чем в среднем по России. Вместе с тем их величины находятся в районе отметки 0,3, что свидетельствует о неравномерном распределении доходов в обществе. Подобный дисбаланс вызывает социально-экономическую напряженность.

⁴ Рассчитано и составлено по: [Российский... 1999: 143–144].

Горожане Саяно-Алтайского региона по-разному оценивают экономическую ситуацию как в России, так и в регионе, а также в их городских поселениях, об этом свидетельствуют данные социологического исследования среди городских жителей региона, кото-

рый проводился в Хакасии летом 2018 г., в Туве и Алтае — осенью 2019 г. Основным методом опроса — формализованное интервью. Общая выборочная совокупность составила 2 000 чел. В работе применялись детерминированные методы построения выборки.

Таблица 5. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2015 г. [Дугаржапова 2018: 33]

[Table 5. Distribution of total cash income across 20% of the population, 2015]

Регион	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини
	Первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)		
Россия	5,3	10	15	22,6	47,1	15,7	0,413
Алтай	6,7	11,6	16,3	23	42,4	10,4	0,355
Тыва	6,2	11,0	15,9	22,9	44,0	11,9	0,375
Хакасия	6,5	11,4	16,2	23,0	42,9	10,8	0,361

Жители городов Хакасии чаще, чем соседи, характеризуют экономическую ситуацию в стране как неустойчивую (43,1 % опрошенных) или крайне нестабильную (18,6 %). Также в целом они оценивают положение дел в экономической сфере своей республики. Население Горно-Алтайска также характеризует экономическую ситуацию в Республике Алтай и ее столице как неустойчивую (37,2 %) или как крайне нестабильную (19,3 %). Жители Турана чаще остальных городских жителей Тувы говорят о нестабильности экономической ситуации в их городе (32,6 %). Интересно, что равное количество горожан Чадана называют экономическую ситуацию в их городе перспективной (24,2 %) и неустойчивой (24,2 %). Ответы жителей Кызыла включают в себя всю палитру оценок экономической ситуации в городе. Их ответы распределились следующим образом: «стабильная» — 15,4 %, «перспективная» — 21,5 %, «неустойчивая» — 26,2 %, «крайне нестабильная» — 23,1 %, затруднились с ответом — 13,8 % [ПМА 2018; ПМА 2019].

Наибольшую удовлетворенность вызывает у городских жителей региона работа дошкольных учреждений и средних

общеобразовательных школ. Жители Горно-Алтайска также высоко оценили работу правоохранительных органов города (8,6 % опрошенных). Низкие оценки получили услуги в области здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, а также благоустройство дворов и состояние дорог в городах. Жители городов Тувы также поставили оценку «плохо» работе транспортной сферы (26,6 %) и в целом благоустройству городской среды (30,3 %) [ПМА 2019].

Среди проблем, предложенных респондентам в анкете (таблица 6), городские жители региона назвали наиболее острыми высокий уровень безработицы, рост цен, низкий уровень качества жизни. Городское население Тувы также крайне обеспокоено распространением пьянства, алкоголизма и наркомании в республике (37,5 % опрошенных), а также высокими ценами на жилье (24,1 %) и коррупцией (20 %) [ПМА 2019].

Горожане Хакасии еще помнят времена, когда регион отличался высокими показателями промышленного производства, поэтому здесь чаще, чем у соседей, среди острых проблем называют проблему упадка промышленности (19,1 %). Несмотря на то, что реальный разрыв между богатыми и

бедными в Хакасии ниже, чем в Туве, здесь горожане более обеспокоены этой проблемой (13,1 % в Хакасии против 4,7 % в Туве) [ПМА 2018; ПМА 2019].

Таблица 6. Оценка жителями городских поселений национальных республик Саяно-Алтайского региона наиболее острых проблем их населенного пункта (%)*
[Table 6. Assessments of the most acute problems given by residents of respective urban settlements in the Sayan-Altai national republics (%)]⁵

Проблемы	Алтай	Тува	Хакасия
высокий уровень безработицы	58,4	65,3	42,5
низкий уровень качества жизни	48,3	21,9	32,8
межнациональная напряженность	2,4	1,3	5,3
упадок промышленности	8,6	8,8	19,1
кризис сельского хозяйства	9,5	8,1	10,0
рост цен	46,8	40,3	42,5
пьянство, алкоголизм, наркомания	21,7	37,5	25,3
высокие цены на жилье	14,1	24,1	18,4
коррупция	14,7	20,0	13,1
большой разрыв между богатыми и бедными	7,6	4,7	13,1
падение нравов	3,7	5,3	4,4
проблема трудоустройства молодежи	17,1	17,5	20,0
увеличение мигрантов из стран ближнего зарубежья	1,5	3,1	2,5
рост преступности	0,9	7,8	4,1
экологические проблемы	0,9	4,7	5,6

Население Горно-Алтайска в целом удовлетворено жилищными условиями (59,6 % респондентов), работой (65,1 %), возможностями проведения досуга (66,6 %), но не удовлетворено своим материальным положением (51,3 %). Иная картина складывается из ответов респондентов Тувы и Хакасии, которые оказались удовлетворены всеми перечисленными сферами жизни [ПМА 2018; ПМА 2019].

Удельный вес жителей городов Саяно-Алтайского региона, довольных жизнью (78,1 %), выше, чем недовольных (17,6 %). Жители городской местности Тувы больше удовлетворены жизнью (82,8 %), чем городское население соседних регионов. При этом самый высокий показатель удовлетворенностью жизни зафиксирован в Чадане — 0,89 %, самый низкий — в Туране: 0,75 % [ПМА 2019].

Около ¾ городских жителей региона уверены в своем будущем, 6,6 % совершенно не уверены. Полную уверенность в завтрашнем

дне в большей степени испытывают горожане Тувы (51,6 %), напротив — почти каждый четвертый горожанин Хакасии не уверен в своем будущем [ПМА 2018; ПМА 2019].

В результате свое отношение к жизни четверть опрошенных горожан Саяно-Алтая сформулировали как «жизнь интересная, меня полностью устраивает». Градация остальных вариантов ответа выглядит следующим образом: «жизнь полна трудностей, но я уже к ним приспособился и не хочу ничего менять» — 13,9 %, «жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше» — 25,8 %, «жизнь очень тяжелая, и я вряд ли смогу в ней что-нибудь изменить к лучшему» — 4,4 %, «жизнь поласата, я принимаю и хорошее, и плохое» — 22 %, «все устроится само собой» — 3,9 %, «будь, что будет» — 4,3 % [ПМА 2018; ПМА 2019].

Итак, официальные данные статистики, фиксирующие неуклонное снижение реальных доходов городского населения Саяно-Алтайского региона, ухудшение их материального положения, идут вразрез с данными социологических опросов, которые

⁵ Сумма по столбцу превышает 100 %, так как один респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

показывают, что население городов весьма позитивно оценивает свое текущее материальное положение. Это можно трактовать как адаптацию жителей региона к новой рациональной или бережливой стратегии потребления [Белехова 2019: 36]. Иными словами, экономное потребление, которое изначально в сознании людей рассматривалось как нечто временное и необходимое в условиях тяжелой социально-экономической ситуации, со временем стало нормой, стандартом, обыденностью.

Такая ситуация в нашем понимании не есть норма. О причинах становления в России крайне нерациональной хозяйственной системы дискутируют уже давно. В данном исследовании принципиальным является тезис о том, что перманентное снижение реальных доходов населения страны в целом и регионов Саяно-Алтая в частности, свидетельствует о перекосах постсоветской модели модернизации.

Урбанизация стимулирует развитие институтов гражданского общества, что влечет за собой запрос с его стороны на проведение демократической модернизации снизу как противопоставление осуществляемой сегодня авторитарной модернизации сверху [Ясин 2011: 5]. Городское сообщество ощущает потребность в модернизации, отвеча-

ющей условиям России или «модернизации для всех» («гуманистической модернизации») [Лапин 2018: 127].

Заключение

Обозначенные нами в статье основные векторы развития процесса урбанизации в национальных регионах Саяно-Алтая демонстрируют в целом устоявшийся тренд на созревание основных элементов модернизации.

При этом не следует забывать о том, что основным критерием (и вместе с тем целью) успешной модернизации является повышение качества жизни человека. Поэтому и успешная урбанизация региона предполагает дальнейший рост качества городской среды и рост уровня жизни населения.

Иными словами, о завершенности процесса урбанизации в национальных республиках Саяно-Алтая следует судить не только на основании данных официальной статистики и анализе количественных показателей урбанизации, но и учитывая уровень развития благоустройства городского пространства. Бытие определяет сознание, поэтому и человек, проживающий в городе, который является таковым лишь на бумаге, не в полной мере является горожанином.

Полевые материалы автора

ПМА 2018 — Опрос жителей Хакасии в августе 2018 г. Опрос проводился в 5 городах (г. Абакан, г. Черногорск, г. Саяногорск, г. Сорск, г. Абаза) и 3 поселках городского типа (пгт. Аскиз, пгт. Бискамжа, пгт. Вершина Теи). Было опрошено 1 000 человек.

ПМА 2019 — Опрос жителей Тувы и Алтая в сентябре-октябре 2019 года. Опрос проводился в 5 городах Тувы (г. Кызыл, г. Ак-До-

вурак, г. Шагонар, г. Чадан, г. Туран) и столице Алтая — г. Горно-Алтайске. Было опрошено 1 000 человек.

Author's Field Data

Interviews with residents of Khakassia (5 cities and 3 towns), August 2018. A total of 1 000 residents interviewed (In Russ.)

Interviews with residents of Tuva and Altay (6 cities), September–October 2019. A total of 1 000 residents interviewed (In Russ.)

Литература

- Алаев 1977 — Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М.: Мысль, 1977. 199 с.
Анкудинова 2007 — Анкудинова Т. В. История становления и развития города Горно-Алтайска в первой половине XX века. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 177 с.
База данных 2020 — База данных показателей муниципальных образований [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 15.04.2020).

Благополучие 1990 — Благополучие городского населения Сибири: проблемы дифференциации (опыт социологического изучения) / под ред. Ф. М. Бородкина. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 347 с.

Букин и др. 2008 — Букин С. С., Долголюк А. А., Исаев В. И., Тимошенко А. И. Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях

- урбанизации (1930–1980-е гг.) // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. С. 164–214.
- Вишневский 2004 — *Вишневский А. Г.* Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет? // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 17–25.
- ВПН 1970 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 5. М.: Статистика, 1973. 303 с.
- ВПН 1979 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. 7. М.: Статистика, 1990. 161 с.
- ВПН 2010 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [электронный ресурс] // Т. 1. М.: Статистика России, 2013. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.07.2020).
- Белехова 2019 — *Белехова Г. В.* Уровень жизни населения России: итоги 2008–2017 гг. // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 25 марта – 2 апреля 2019 г.). Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. С. 32–38.
- Доржу 2015 — *Доржу З. Ю.* Из истории столицы Республики Тыва — Кызыла // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 1(17). С. 32–41.
- Дугаржапова 2018 — *Дугаржапова Д. Б.* Социально-экономические аспекты уровня и качества жизни населения республик СФО РФ // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 25–37.
- Историческая энциклопедия 2009 — Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 1. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. 715 с.
- История 2016 — История Тувы: в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2016. Т. 3. 455 с.
- Кискидосова 2012 — *Кискидосова Т. А.* Абакан. Начальная история города в 1930-е гг. // Мир Центральной Азии – 3. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 104–108.
- Лапин 2018 — *Лапин Н. И.* Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4. С. 105–136.
- Лаппо 1997 — *Лаппо Г. М.* География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.
- Лаппо 2001 — *Лаппо Г. М.* Города Европейской России в конце XIX века // Город и деревня в европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 65–78.
- Мазур 2009 — *Мазур Л. Н.* Урбанизация российской деревни во второй половине XIX–XX вв. // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XX веков: эволюция и кризисы. Оренбург: РЦРО, 2009. С. 216–222.
- Миронов 2012 — *Миронов Б. Н.* Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 3(48). С. 259–277.
- Миронов 2017 — *Миронов Б. Н.* Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации // Уральский исторический вестник. 2017. № 4(57). С. 16–24.
- Миронов 2018 — *Миронов Б. Н.* Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.
- Опыт 2000 — Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. / под ред. В. В. Алексеева. М.: Наука, 2000. 244 с.
- Охлопкова 2008 — *Охлопкова Н. В.* Динамика ВВП и уровень жизни населения России и Республики Саха (Якутия) в 1990–2000-е годы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2008. Т. 5. № 1. С. 73–82.
- Очерки 1973 — Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / отв. ред. Л. П. Потапов. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алтайского кн. изд-ва, 1973. 601 с.
- Российский... 1999 — Российский статистический ежегодник. 1999. М.: Госкомстат России, 1999. 621 с.
- Сборник 1991 — Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: Распределение населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям. Абакан: [б. и.], 1991. 54 с.
- Сенявский 2003 — *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке. М.: Наука, 2003. 286 с.
- Сенявский 2018 — *Сенявский А. С.* Большие вызовы в имперской и советской истории России: сравнительный анализ // Уральский исторический вестник. 2018. № 2(59). С. 39–48.
- Сенявский 2019 — *Сенявский А. С.* Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 147–161.

- Социально-экономическое 2014 — Социально-экономическое развитие Хакасии (XX – начало XXI века) / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: Хакасс. кн. изд-во, 2014. 250 с.
- Социальный паспорт 1980 — Социальный паспорт Хакаской автономной области / под ред. Г. Ф. Кузнецова и В. В. Павловского. Абакан: [б. и.], 1980. 221 с.
- Тиникова 2018 — Тиникова Е. Е. Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX – начале XXI века // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 235–257.
- Тиникова 2019 — Тиникова Е. Е. Динамика национального состава городского населения Южной Сибири в 1945–2017 годах // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Махачкала: АЛЕФ, 2019. С. 409–414.
- Ширап 2019 — Ширап Р. О. Социально-демографическое развитие г. Кызыла в 1940–1960-е гг. // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4(52). С. 76–83.
- Юбилейный 2014 — Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы: Кызыл: Тувастат, 2014. 208 с.
- Ясин 2011 — Ясин Е. Г. Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М.: Фонд «Либеральная миссия». 45 с.
- Gibbs 1963 — Gibbs J. The evolution of population concentration // *Economic Geography*. 1963. Vol. 2. Pp. 119–129.

References

- Alaev E. B. *Economic Geography: Terminology*. Moscow: Mysl', 1977. 199 p. (In Russ.)
- Alekseev V. V. (ed.) *Experiences of Russian Modernizations: 18th – 20th Centuries*. Moscow: Nauka, 2000. 244 p. (In Russ.)
- Ankudinova T. V. *City of Gorno-Altaysk: History of Its Shaping and Development, Early-to-Mid 20th Century*. Tomsk: Tomsk State University, 2007. 177 p. (In Russ.)
- Belekhova G. V. Living standards in Russia: 2008–2017. In: *Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Assessments. Conference Proceedings* (Vologda; March 25 – April 2, 2019). Vologda: Vologda Research Center (RAS), 2019. Pp. 32–38. (In Russ.)
- Borodkin F. M. (ed.) *Welfare of Siberia's Urban Population: Differentiation Issues (A Sociological Study)*. Novosibirsk: Nauka, 1990. 347 p. (In Russ.)
- Bukin S. S., Dolgolyuk A. A., Isaev V. I., Timoshenko A. I. Sociocultural adaptation of Siberia's population in the context of urbanization: 1930s–1980s. In: *Solving the Housing Problem in Siberian Cities, 20th – Early 21st Centuries: Experiences Revisited*. Novosibirsk: Institute of History (Sib. Branch of RAS), 2008. Pp. 164–214. (In Russ.)
- Celebrating the 100th Anniversary of Russian Tuva: A Jubilee Statistical Digest. Kyzyl: Tuvastat, 2014. 208 p. (In Russ.)
- Database of Municipal Indices. On: Federal State Statistics Service (website). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (accessed: April 15, 2020). (In Russ.)
- Dorzhu Z. Yu. From the history of the capital of the Republic of Tuva – Kyzyl. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2015. No. 1(17). Pp. 32–41. (In Russ.)
- Dugarzhapova D. B. Socio-economic aspects of living standards and quality of life of the population of the republics of the Siberian Federal District of the Russian Federation. In: *Republics in Russia's East: Pathways of Economic, Demographic and Territorial Development*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2018. Pp. 25–37. (In Russ.)
- Gibbs J. The evolution of population concentration. *Economic Geography*. 1963. Vol. 2. Pp. 119–129. (In Eng.)
- Kiskidosova T. A. Abakan: early history of the city, 1930s. In: *The World of Central Asia – 3*. Irkutsk: Ottisk, 2012. Pp. 104–108. (In Russ.)
- Kuznetsov G. F., Pavlovsky V. V. (ed.) *Khakass Autonomous Oblast: A Social Passport*. Abakan, 1980. 221 p. (In Russ.)
- Lamin V. A. (ed.) *Historical Encyclopedia of Siberia*. Novosibirsk: Istoricheskoe Nasledie Sibiri, 2009. 715 p. (In Russ.)
- Lamin V. A. (ed.) *History of Tuva*. In 3 vols. Novosibirsk: Nauka, 2016. Vol. 3. 455 p. (In Russ.)
- Lapin N. I. Hybrid transition and a demand for “modernization for all”. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018. Vol. 9. No. 4. Pp. 105–136. (In Russ.)
- Lappo G. M. Cities of European Russia in the late 19th century. In: *City and Village of European Russia — The Century of Changes*. Moscow: OGI, 2001. Pp. 65–78. (In Russ.)
- Lappo G. M. *Geography of Cities*. Moscow: VLA-DOS, 1997. 480 p. (In Russ.)

- Mazur L. N. Russian village urbanized: mid-19th – 20th centuries. In: *Agrarian Economy in the Context of Russian Modernizations, 19th – 20th Centuries. Evolution and Crises*. Orenburg: Regional Education Development Center, 2009. Pp. 216–222. (In Russ.)
- Mironov B. N. Argumentative issues of imperial, Soviet and post-Soviet modernizations. *Ural Historical Journal*. 2017. No. 4(57). Pp. 16–24. (In Russ.)
- Mironov B. N. City: a perspective from village. The four hundred years of Russia's urbanization. *Otechestvennye zapiski*. 2012. No. 3(48). Pp. 259–277. (In Russ.)
- Mironov B. N. Imperial and Soviet modernization. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2018. Vol. 63. No. 1. Pp. 54–82. (In Russ.)
- Okhlopkova N. V. GDP dynamics and living standards of the population of Russia and the Sakha Republic (Yakutia) in the period of 1990–2000. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2008. Vol. 5. No. 1. Pp. 73–82. (In Russ.)
- Potapov L. P. (ed.) Gorno-Altaysk Autonomous Oblast: Historical Essays. Gorno-Altaysk: Altay Book Publ., 1973. 601 p. (In Russ.)
- Senyavsky A. S. Big challenges in the imperial and Soviet history of Russia: comparative analysis. *Ural Historical Journal*. 2018. No. 2(59). Pp. 39–48. (In Russ.)
- Senyavsky A. S. Urbanization in Russia: 20th Century. Moscow: Nauka, 2003. 286 p. (In Russ.)
- Senyavsky A. S. Urbanization process in USSR in economic measurements: structural and institutional aspects. *Theoretical Economics*. 2019. No. 2. Pp. 147–161. (In Russ.)
- Shirap R. O. Socio-demographic development of Kyzyl in 1940s–1960s. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social Sciences and Humanities*. 2019. No. 4(52). Pp. 76–83. (In Russ.)
- The Russian Census of 2010: Outcomes. Vol. 1. Moscow: Statistika Rossii, 2013. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: July 15, 2020). (In Russ.)
- The Russian Yearbook of Statistics: 1999. Moscow: Federal State Statistics Committee of Russia, 1999. 621 p. (In Russ.)
- The Soviet Census of 1970: Outcomes. Vol. 5. Moscow: Statistika, 1973. 303 p. (In Russ.)
- The Soviet Census of 1979: Outcomes. Vol. 7. Moscow: Statistika, 1990. 161 p. (In Russ.)
- The Soviet Census of 1989: Population Groups by Social Parameters, Means of Subsistence, Sectors of Economy, and Types of Economic Activity. Abakan, 1991. 54 p. (In Russ.)
- Tinikova E. E. Transformation of urban settlement in the national republics of southern Siberia in the mid-20th to early 21st century. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 4. Pp. 235–257. (In Russ.)
- Tinikova E. E. Urban population of Southern Siberia, 1945–2017: dynamics of ethnic composition. In: *Topical Issues of Contemporary Science in the Eyes of Young Researchers*. Makhachkala: ALEF, 2019. Pp. 409–414. (In Russ.)
- Tuguzhekova V. N. (ed.) Socioeconomic Development of Khakassia: 20th – Early 21st Centuries. Abakan: Khakass Book Publ., 2014. 250 p. (In Russ.)
- Vishnevsky A. G. Modernization and counter-modernization: who won? *Social Sciences and Contemporary World*. 2004. No. 1. Pp. 17–25. (In Russ.)
- Yasin E. G. Russia Developing: Long-Term Scenarios. Moscow: Liberal'naya Missiya, 2011. 45 p. (In Russ.)

